

тике этнографов за последние годы. При выборе объекта следует руководствоваться тем, насколько в том или другом колхозе велики сдвиги в области быта, культуры и идеологии нашего социалистического крестьянства, что в первую очередь и должно интересовать этнографа.

О. Н. ВОЗДВИЖЕНСКАЯ и Л. П. ЛАШУК

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Дискуссия по вопросам этнографического изучения колхозного крестьянства, открывшаяся на страницах «Советской этнографии», должна не только обобщить опыт нашей текущей работы и вскрыть ее недостатки, но и наметить новые пути ее развития. Основная задача дискуссии — выработка совместными усилиями четкой и правильной методологии и методики этнографических исследований в этой области.

Мы целиком согласны с мнением П. И. Кушнера и других товарищей, что серьезные недостатки в изучении колхозного крестьянства заключаются прежде всего в одностороннем, а подчас и неправильном подходе к изучаемому предмету, в чрезмерном увлечении «экономизмом» и производственным бытом и забвении основного принципа этнографической науки — исторического изучения народной жизни в ее культурно-бытовых проявлениях. Поскольку «культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества»¹, советские этнографы призваны изучать и описывать те коренные изменения, которые произошли в культуре и быте колхозного крестьянства в период построения социалистического общества и которые совершаются на наших глазах сейчас, в период построения коммунизма. Кроме того, поскольку в современных советских условиях национальные культурно-бытовые особенности народов не только не отмирают, а продолжают развиваться дальше, особо важное значение для этнографов приобретает также внимательное изучение процесса роста национальных культур, развития их национальных форм в условиях социалистического общества.

Однако, задачи этнографического изучения колхозного крестьянства этим не исчерпываются. На основе политико-экономической сплоченности и братского содружества между социалистическими народностями и нациями происходит культурный взаимообмен, который заметно изменяет лицо каждой народности и нации. Особенно интенсивно происходит обогащение национальных культур за счет проникновения в них русского языка и культуры. В частности, развитие культуры и быта народа коми, равно как и ряда других народов Приуралья, Поволжья и Прибалтики, происходит под мощным воздействием передовой русской культуры. Исследовать этот процесс — прямая задача этнографов.

Н. Н. Чебоксаров сформулировал и еще одну, не менее важную задачу этнографического исследования, заключающуюся в том, что «у многих народов, живущих по-близости, наблюдается ряд особенностей, не стоящих в связи с их этническими традициями, а характерных для большой историко-географической области, например, для Советского крайнего севера или для хлопководческих районов Средней Азии. Выявление этих зональных особенностей и их соотношения с особенно-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 21.

стями национальными — важный теоретический вопрос, который должен стать предметом нашего исследования»².

Действительно, исключительная общность в культуре и быте между ижемскими коми, усть-цилемскими русскими и колвинскими ненцами не объясняется простым заимствованием, а стоит в прямой связи с их совместным обитанием в определенной историко-географической зоне. Вместе с тем, каждая из этих групп имеет свои специфические особенности, присущие только ей. Выявление этих особенностей и соотношение их с особенностями зональными как раз и является одной из сторон нашей работы.

Таковы, на наш взгляд, основные задачи этнографического изучения колхозного крестьянства.

Вполне понятно, что для успешного выполнения этнографами этих задач требуется не только много труда и времени, но и особое умение правильно разобраться в сложных проявлениях культурно-бытовых особенностей изучаемого народа. Требуются и новые методы работы, так как, судя по содержанию и качеству опубликованных на эту тему статей, прежние методы себя не оправдали.

При чтении большинства упомянутых статей, страдающих исключительной схематичностью и анкетностью, создается определенное впечатление, что и материал для них собирался наспех, путем простого опроса, и ответы на вопросы программы записаны наспех. В действительности так оно и есть. В практике этнографов, особенно молодых, почему-то укрепилось глубокое убеждение, что чем больше ответов и выписок из хозяйственных книг колхозов будет сделано, чем больше различных сельских учреждений будет посещено, описано и сфотографировано, тем полнее советский образ жизни будет отражен в материалах. На проверку же оказывается, что сам образ жизни — культура, а еще в большей степени быт и новые формы сознания колхозников — остался в значительной мере не понятым и не отраженным.

Нам кажется, что с анкетным методом сбора этнографических материалов пора покончить.

Этнографическая программа — не самоцель, а рабочее руководство для самого этнографа, который был и остается не статистиком, а тонким и вдумчивым наблюдателем, фиксирующим в своих записях, зарисовках и фотографиях жизнь какого-либо народа во всей ее полноте и многообразии. Без такого подхода невозможно не только научное исследование, но и научное описание изучаемого предмета.

Вместе с тем, этнограф, как исследователь, не может ограничиться простой фиксацией существующего положения, а обязательно должен придерживаться в своей работе принципа последовательного историзма, т. е. не только правильно описать тот или иной элемент культуры, но и дать анализ его исторического развития. Игнорирование этого принципа нередко приводит к серьезным фактическим ошибкам. Например, сторонники гипотезы о «боярском» происхождении усть-цилемских русских ссылаются обычно на бытующую у них своеобразную парчевую женскую одежду «шушун» и «коротеньку». На самом же деле эта одежда присуща не только усть-цилемцам; в недавнем прошлом она широко бытовала среди русских Архангельской области, в частности, на р. Мезени. То же можно сказать в отношении ижемского женского головного убора «ёшуфки», который на поверку оказывается старорусской «ошивкой».

Но для того чтобы вскрыть исторические корни и генезис того или иного элемента современной культуры, этнограф должен хорошо знать прошлое изучаемого народа, его происхождение и этническую историю, его экономические и культурные связи с другими народами.

² См. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 214.

Несмотря на то, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития народа, по форме она долгое время сохраняет старые традиции и специфические черты прошлого. Например, многие культурно-бытовые особенности народа коми не могут быть поняты без учета его происхождения, его древних связей с Вятско-Камским краем и более поздних, но более мощных связей с русским народом.

Мы глубоко уверены и в том, что советский этнограф не может ограничиваться простой констатацией изменений, происшедших в жизни колхозного крестьянства. Этнограф обязан также отметить в его культуре и быте то, что будет развиваться в дальнейшем и что в недалеком будущем отомрет. Особенно внимательно следует присматриваться к таким явлениям, которые еще только рождаются, но в ближайшее время станут типичными в жизни наших колхозников. Как известно, товарищ Сталин учит: «Жизнь находится в непрерывном движении следовательно, мы должны рассматривать жизнь в ее движении и ставить вопрос: куда идет жизнь?»³.

В качестве примера возьмем хотя бы отношение колхозников коми к передовой технике. Если еще совсем недавно они недоверчиво относились к трактору, комбайну, а радио даже боялись, то теперь они сетуют на недостаток машин и радиоточек в том или ином колхозе. Применение в колхозном производстве Севера косы-горбуши заключается вовсе не в силе традиции, а в невозможности в ряде мест использовать косилку на заболоченных участках речной поймы. С проведением в недалеком будущем широких мелиоративных работ коса-горбуша навсегда исчезнет из быта колхозников Севера, как это, например, произошло с дедовской двурогой сохой. Национальный тип жилища коми в настоящее время сменяется более удобной, просторной и светлой русской избой. А вот глухая верхняя одежда — «малица» и «совик», не совсем удобная при ношении, будет сохраняться на Севере, вероятно, еще долгое время как наиболее приспособленная к местным климатическим условиям.

Конечно, выявить новые черты в культуре и быте гораздо труднее, нежели просто отметить, что в таком-то колхозе удоиность коров повысилась на 30%, а молодежь на вечерках поет «Катюшу» и танцует не кадрили, а вальс. Но при таком подходе исследовательский характер этнографической работы теряется, а ее результаты превращаются в сухой статистический отчет.

Любой этнограф знает также, что культура каждого народа имеет свою национальную форму, которая в наши дни продолжает развиваться и совершенствоваться, но, как справедливо отметил Н. Н. Чебоксаров, в «Советской этнографии» не появилось ни одной статьи, в которой был бы поставлен вопрос о том, в чем именно в культуре колхозников проявляются ее новые национальные формы. Вопрос этот не был поставлен, конечно, потому, что этнографы, как правило, весьма поверхностно знакомы с жизнью описываемого ими села или района, проведя в нем самое большее несколько недель, причем большая часть времени была потрачена на переписывание хозяйственных книг, посещение полевых бригад, МТС, животноводческих ферм и т. д.

Успех работы может быть обеспечен лишь в результате долгого и вдумчивого изучения объекта (села, района и т. д.), путем глубокого проникновения не только и не столько в цифровые данные, сколько в самую сферу хозяйственной, общественной, домашней и семейной жизни. В этой связи наиболее эффективен стационарный метод изучения намеченного объекта. В частности, такой метод мы ввели в практику своей работы и уже в течение ряда месяцев внимательно изучаем

³ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 298.

жизнь нашего подшефного колхоза имени И. В. Мичурина. Тесная, почти повседневная связь с колхозниками и проводимая нами политико-воспитательная работа среди них позволяют нам иметь ясное представление не только о колхозном производстве, но и о новых формах общественного сознания колхозников, их культурных запросах и интересах, о семейном быте и многом другом.

Никто из этнографов в настоящее время, конечно, не сомневается, что изучать следует не только культурно-бытовые проявления колхозной жизни, но и колхозную экономику, которая как раз и является материальной основой социалистической перестройки культуры и быта. Но, как правильно отметил И. И. Потехин, у этнографа должен быть свой специфический подход к изучению экономики⁴.

По нашему мнению, в области экономики, помимо показа общих успехов колхозного производства, особое внимание следует уделить выявлению специфических особенностей хозяйства изучаемого народа и тем изменениям в экономике, которые непосредственно привели к перестройке быта. Специфика производства у народов Севера, например, представляет несомненный интерес для этнографа.

Столь же интересно проследить взаимосвязь между изменениями в хозяйстве и в быте. В частности, народ коми, единый по своему происхождению и языку, не имеет единства в хозяйстве и быте, так как его отдельные группы живут в различных природно-географических условиях и имеют различное хозяйство. Повышение роли земледелия в южных районах Коми АССР в советское время привело к упадку охоты и отхожих промыслов, а это в свою очередь привело к сложению прочного земледельческого быта. Мужчина, в прошлом охотник, рыболов и отходник, превратился в земледельца. Животноводческо-оленоводческое направление в экономике северных районов (при сохранении рыболовного и охотничьего промыслов) не только способствует росту благосостояния колхозников, но и вносит в их быт определенные новые черты. Так, переход некоторых групп большеземельских ненцев от чисто кочевого оленеводства к оседлому животноводству и рыболовству ла Печоре привел к существенным изменениям во всем их быте.

Любую сторону колхозной экономики (рост посевных площадей, применение машин, увеличение поголовья скота и улучшение его качества и т. д.) необходимо также рассматривать с этнографической точки зрения, т. е. в плане показа тех изменений, которые она произвела в самой жизни колхозников. Но, как уже отмечено некоторыми товарищами, было бы абсолютно неверно все изменения в культуре и быте советского крестьянства выводить непосредственно из роста колхозной экономики. Такие, например, явления, как рост национального самосознания и расцвет национальных культур, грамотность населения и культурное обслуживание его избами-читальнями, клубами и т. д., от колхозной экономики непосредственно не зависят. В этих сферах колхозной жизни ведущую роль играет национальная политика советского государства и политико-воспитательная работа культурно-просветительных учреждений, советской школы, печати, кино и радио. Они же способствуют выработке социалистической идеологии в широких слоях колхозного крестьянства. Забывать об этом — значит допускать в своем исследовании грубую методологическую ошибку.

Нам кажется, что этнографам следовало бы обратить сугубое внимание и на то, как и каким образом влияют на изменения быта колхозников большие государственные новостройки (города, заводы, электростанции, каналы, железные дороги). Например, в связи с созданием на территории Коми АССР Печорского промышленного района, новых городов и поселков и проведением Печорской железнодорожной маги-

⁴ См. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 212.

жили в глухих в прошлом печорских селениях, с их замкнутым бытом и низким уровнем культуры, произошли серьезнейшие преобразования, охватившие все стороны жизни местного крестьянства.

Наконец, нам хотелось бы остановиться на вопросе о том, какой объект следует избирать для этнографического изучения. Вполне соглашаясь с товарищами, что изучать следует колхозное село, мы, тем не менее, считаем, что такой объект слишком узок и мало что дает для широких обобщений. Узок не только потому, что каждое колхозное село неразрывными нитями связано с соседними селениями, районом и всем народом, но и потому, что типичное для данного села далеко не всегда типично для всего народа и даже для соседнего района. Выявить какие-либо национальные черты, культурно-бытовую специфику народа можно лишь путем кропотливого анализа и сопоставления материалов по целому ряду селений в каждом районе в отдельности и по области или республике в целом. При изучении таких народов, как, например, ташкиры, коми, карелы, отличающихся исключительным разнообразием хозяйства, материальной культуры и быта, подобный метод является наиболее оправданным и эффективным.

Практика прошлых лет показала, что мы имеем много статей об отдельных колхозах — крошечных частичках больших народностей и наций, но ни одной обобщающей работы о народе или нации в целом нет. Ценность подобных статей для этнографии вызывает законное сомнение. У этнографов, надо полагать, накопилось уже не мало материалов, чтобы от малозначительных статей перейти к действительно ценным и нужным обобщающим работам.

Таковы в основных чертах наши замечания и соображения по вопросу об изучении колхозного крестьянства.

«Советская этнография» поступила совершенно правильно, открыв на своих страницах дискуссию по этому крайне важному и актуальному вопросу. Выработав новые исследовательские методы, советские этнографы смогут разносторонне изучить культуру и быт колхозного крестьянства, внося тем самым ценный вклад в науку о развитии социалистических народностей и наций.